

А.В. ВИЛЕНСКИЙ

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Потенциально участие малого и среднего предпринимательства в межстрановом сотрудничестве в приграничных регионах должно активизировать его развитие, приносить в него специфику. Однако анализ показал отсутствие заметной специфики в динамике занятости в сфере малого и среднего предпринимательства в неприоритетных геостратегических приграничных территориях по сравнению прочими регионами России, в т.ч. и в кризисный 2020 г. Как и в целом по стране, в этих приграничных территориях развитие малого и среднего предпринимательства происходит трудно, неустойчиво, разнонаправлено, более того, в русле многолетней тенденции к его свертыванию. На фоне общего неблагоприятного экономического, включая предпринимательский, климата, специфика функционирования малого и среднего предпринимательства в приграничных территориях — малоразличима. Эта малоразличимость подтверждает низкие оценки степени открытости российской экономики, факт депрессивности значительной части приграничных регионов. При низком уровне открытости потенциальные возможности от трансграничного и прочего экономического сотрудничества с зарубежными странами в таких российских территориях реализуются слабо, играют второстепенную роль. Неприоритетные приграничные регионы в большей мере выполняют обусловленные геостратегическими причинами «барьерные функции», а не функции точек роста экономики.

Ключевые слова: приграничные территории, малое, среднее, индивидуальное предпринимательство, динамика занятости, Россия, пространственное развитие, кризис.

JEL: H11, R12, R50

В утвержденной 13 февраля в 2019 г. Правительством РФ Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. уделено особое внимание приграничным территориям¹. Они определены

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>

как *геостратегические*. В свою очередь, в этой Стратегии геостратегические территории Российской Федерации подразделены на приоритетные геостратегические территории и приграничные геостратегические территории. Заметим, что и приоритетные геостратегические территории *в своем большинстве — приграничные территории*. В этом смысле особенности первых похожи на особенности других. Приоритетность же означает особое внимание к данной группе. Но остановимся именно на неприоритетной группе, т.е. на выделенной в Стратегии группе приграничных территорий.

В эту группу включены субъекты Российской Федерации, граничащие:

- со странами, входящими в Европейский союз, — Ленинградская область;
- со странами, входящими в Евразийский экономический союз, — Смоленская область, Алтайский край, Астраханская область, Волгоградская область, Курганская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Саратовская область, Тюменская область, Челябинская область;
- с другими странами, — Республика Алтай, Республика Тыва, Краснодарский край, Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Ростовская область;
- со странами, входящими в Евразийский экономический союз, а также с другими странами или странами, входящими в Европейский союз, — Псковская область, Брянская область².

Приграничность с ее специфическими условиями ведения хозяйственной деятельности жизни населения непосредственно определяет содержание категории «геостратегические», к которым они и относятся [1, с. 164–170].

Значимость малого и среднего предпринимательства для развития приграничных территорий

В перечне номинальных ориентиров региональных программ поддержки малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) представлена конкретизация ожидаемых направлений влияния МСП на пространственное развитие России. В перечень входят наполнение местных рынков доступной по цене качественной продукцией через создание конкурентной среды и развитие рыночной инфраструктуры; снижение уровня внутрирегиональной миграции за счет более равномерного распределения по территории региона предприятий малого бизнеса; самое главное — обеспечение занятости за счет увеличения числа рабочих мест на уже действующих и вновь создаваемых некрупных предприятиях, особенно через привлечение молодежи и незащи-

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.

ценных слоев общества, а также за счет подключения к сфере МСП населения, склонного к samozанятости. В этой связи обращает на себя внимание то, что увеличение числа рабочих мест *служит стартовым моментом* перечисления ожидаемых результатов поддержки МСП в большинстве региональных и федеральных программ поддержки малого и среднего предпринимательства. Называются также снижение затрат на содержание и обслуживание коммунального хозяйства за счет привлечения к выполнению муниципального и регионального заказа в этой сфере предприятий малого бизнеса; рационализация деятельности и реструктуризация крупных предприятий за счет развития субконтрактных и иных кооперационных связей с малыми предприятиями и т.п. [2, с. 43–57].

Сказанное в полной мере относится и к приграничным территориям. Здесь малый и средний бизнес выполняет также такие функции, как развитие конкуренции, противодействие монополизму, инновационность, содействие формированию среднего класса и его устойчивости и еще целый ряд позитивных социальных и экономических функций. Но все же *в приграничных территориях развитие МСП имеет свои особенности*.

В странах с низким уровнем открытости экономики приграничные территории обычно оказываются отстающими по отношению к центральным регионам страны, периферийными. Об этом говорится в разработанной Джоном Фридманом концепции «центр — периферия» [3]. Данный концептуальный тезис подтверждается практикой большинства российских регионов, хотя исключения из него все же имеются.

Выделяются так называемые международные коридоры развития, приносящие регионам дополнительные преимущества. Географическое положение обуславливает положение некоторых приграничных территорий, более благоприятное по сравнению с другими регионами страны. Статус транспортных коридоров таким приграничным территориям обеспечивается исторически сложившейся связью центра страны с зарубежными экономическими партнерами. Товарные и финансовые потоки, проходя через некоторые приграничные территории, приносят этим территориям дополнительные поступления, несколько повышают уровень и качество жизни их населения, повышают основные социально-экономические показатели. К коридорам развития гипотетически могут относиться, в частности, Белгородская, Смоленская, Ленинградская области, Краснодарский край.

Но *в большинстве своем* приграничные регионы России *относятся к группе депрессивных, слабых*, что обычно является следствием отсутствия необходимых финансовых средств, недостаточной развитости инфраструктуры, отсутствия необходимых кадров, невысокого уровня жизни широких слоев населения. Конечно, эта отсталость очевидна только в сравнении с положением центральных регионов, территорий точек роста. Обращает на себя внимание то, что даже при на-

личии финансовых вливаний из федерального бюджета и специальных программ поддержки депрессивность сохраняется на очень длительный период. Преодолеть ее *крайне сложно*³.

Причины депрессивности значительной части приграничных территорий России — *производные из ее традиционной закрытости*. Никогда при этом не шла речь об автаркии. Но уровень, масштабы открытости [4, с. 8–15] экономики страны много десятилетий оказывались на порядок меньше, чем у западных стран. Под открытостью в конечном счете понимается активное и рациональное функционирование страны в мирохозяйственных процессах, в системах международной взаимосвязи.

Конечно, государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность была отменена еще в годы перестройки. Не менее существенным шагом к открытости стало снятие ограничений на поездки граждан за рубеж. Примерно двадцать лет назад Россия была официально признана страной с рыночной экономикой, что предполагает наличие частных экономических связей с субъектами хозяйствования иностранных государств. Возросли объемы и качественно преобразились формы внешнеэкономической деятельности. Но в приложении к России с ее масштабами уровень открытости все еще остается низким [6, с. 37–49; 7, с. 76–81]. Ситуация усугубляется санкциями, наложенными на экономику страны, на ее внешнеэкономическую деятельность. В настоящее время идет поиск новой модели развития экономики России в условиях нарастания экономических и финансовых ограничений.

В странах с низкой открытостью экономики для приграничных территорий более всего характерна функция «барьера». Данная функция чаще всего вынужденная и проистекает из геостратегических предпосылок. Поэтому хозяйственная деятельность для барьерных приграничных территорий *играет второстепенную роль*. Это еще одна причина, по которой отсталость приграничных территорий в нашей стране может сохраняться еще долго.

В моделях представителя новой экономической географии П. Кругмана обоснована значимость открытой экономики для зарождения такого эффекта, как значительное снижение транспортных расходов, но главное — для кардинально лучшего использования трудового потенциала территорий. Последнее обеспечивается пространственным перераспределением работоспособного населения [5]. Бенефициарами таких эффектов от открытости экономики оказываются и приграничные территории, и национальные хозяйства, и вся система международных экономических отношений. При наличии такой открытой экономики приграничные регионы становятся

³ Например, на российском Дальнем Востоке продолжается отток населения на фоне увеличения его всесторонней поддержки из федерального центра, организации новых научных и культурных центров, многочисленных обещаний значительного улучшения жизни в самое скорое время. Но население продолжает сокращаться.

в полной мере способны выполнить функции полюсов роста, транзитных коридоров и центров развития.

Включение субъектов МСП приграничных территорий в торговые операции с субъектами хозяйствования соседних государств, использование возникающих при этом дополнительных возможностей от института финансово-кредитных операций в межстрановую производственную кооперацию стимулирует хозяйственную активность, открывает ее новые горизонты. Причем речь идет не только о приграничной торговле, приграничном экономическом сотрудничестве, но и об *общей интенсификации международных хозяйственных связей*.

Сфера МСП способна найти в этой интенсификации свое достойное место. К этому следует добавить фактор инновационности МСП, стимулируемый внешнеэкономическим сотрудничеством, причем как общим, так и приграничным. В открытой экономике малые и средние предприятия приграничных территорий таким образом оказываются элементами механизма их ускоренного развития.

Трансграничное сотрудничество минимизирует риски ведения хозяйственных операций. Кроме того, оно позволяет увеличивать объемы и масштабы производства за счет роста платежеспособного спроса на продукцию. Одновременно с этим трансграничное сотрудничество способствует модернизации, внедрению новых, прогрессивных технологий не только в производство, но и в управление, в сбыт, в логистику, во все элементы инженерной, технологической инфраструктуры. Модернизация, с одной стороны, увеличивает спрос на квалифицированные кадры, а вместе с ним и повышает заработную плату в приграничной территории. Более того, она способствует росту квалификации работников, поскольку обучает их непосредственно в производственном и прочих процессах, оснащенных новейшими технологиями. Малое и среднее предпринимательство способно участвовать во всем этом.

С трансграничным сотрудничеством и с участием в нем субъектов МСП непосредственно связаны объемы розничной и оптовой торговли. Рост производства, активно функционирующие межграничные транспортные коридоры всегда вызывают рост торговых объемов. А вместе с увеличением других направлений и форм хозяйственной деятельности в приграничных территориях все это обеспечивает рост налоговых поступлений как в местные, так и в государственные бюджеты. Пополнение бюджетов, в свою очередь, повышает возможности защиты природы, улучшения экологической ситуации, преобразования приграничных городов в умные города с новой транспортной и коммунальной инфраструктурой. Дополнительные бюджетные средства позволяют расширять вложения в культуру, архитектуру, сохранение исторических памятников, зданий. Таким образом создаются предпосылки для улучшения качества жизни населения приграничных территорий. Они оказываются притягательны как для населения, так и для бизнеса. Более того, приграничные территории в открытой экономике нередко

привлекают к себе жителей внутренних регионов страны, в т. ч. высококвалифицированных.

Важными элементами трансграничного сотрудничества выступают наличие на приграничной территории высокоразвитой инфраструктуры поддержки МСП; упрощенная процедура прохождения границы как людьми, так и товарной продукцией; льготные таможенные и налоговые режимы ведения экономических операций в приграничных регионах; широкое информационное обеспечение налаженных интернет-систем поиска зарубежных и отечественных бизнес-партнеров. К сказанному следует добавить наличие традиций хозяйственных связей между соседними приграничными регионами разных стран. Не последнюю роль в трансграничном сотрудничестве играют культурные традиции, общее в ментальности населения приграничных территорий соседних стран [8, с. 222–226]. Последнее особо существенно для ведения трансграничного сотрудничества между субъектами хозяйствования сферы МСП. К участию малых и средних субъектов хозяйствования в трансграничном сотрудничестве подталкивает их нацеленность на самую разнообразную диверсификацию.

Очевидно, что все эти возможности потенциально должны обеспечивать ускоренное развитие сферы МСП приграничных регионов, привносить специфику в его развитие по сравнению с развитием МСП в других регионах. Но имеется ли в реальности ускоренное развитие, показывает сопоставление динамики субъектов МСП в российских геостратегических приграничных территориях, с одной стороны, и в федеральных округах в целом — с другой.

Динамика занятости на малых предприятиях в геостратегических неприоритетных приграничных территориях

Итак, приграничные территории привносят специфику в функционирование малых и средних предприятий. Сказывается ли она на количественных показателях функционирования субъектов МСП в Российской Федерации?

Российское законодательство выделяет три основные группы МСП: малые предприятия — юридические лица (включая мелкие предприятия), средние предприятия — юридические лица и индивидуальные предприниматели (физические лица). По числу занятых (наиболее надежный показатель [9, с. 26–35]), да и по прочим параметрам наибольшую долю в МСП занимают именно малые предприятия — юридические лица, включая мелкие предприятия. В общем числе занятых МСП на малые предприятия — юридические лица приходится почти 71,8%, на средние предприятия — 11,6%, на индивидуальных предпринимателей — 16,6%⁴. Поэтому начнем изложение результатов проведенного анализа с малых предпри-

⁴ Рассчитано по Росстат. URL: www.gks.ru

ятий — юридических лиц, включая микропредприятия. Сделаем это по федеральным округам.

Заметим, что по ряду показателей, особенно по числу занятых, сфера МСП в пространственной экономической динамике нашей страны к 2020 г. во многих регионах не вышла даже на уровень 2008 г. Так, по данным налоговой статистики *сужение сферы малого предпринимательства юридических лиц* по средней численности работников субъектов хозяйствования выраженно продолжилось. В целом по России с 2017 по 2020 г. отрицательный прирост этого параметра составил -5,51%. Но обращает на себя внимание замедление падения и даже некоторый рост в регионах средней численности работников малых предприятий в 2020 г. В целом по России в 2020 г. падение составило всего — 0,68%. В Южном Федеральном округе падение составило — 5,35%, в Приволжском федеральном округе — 1,72%, в Уральском федеральном округе — 1,64%, в Сибирском федеральном округе — 2,03%. Прирост наблюдался в Центральном федеральном округе на 0,63% и в Северо-Западном федеральном округе — 0,7% (см. таблицу).

Во входящей в Центральный федеральный округ Белгородской области с 2017 по 2020 г. средняя численность работников субъектов малого предпринимательства — юридических лиц даже возросла на одну десятую процента. Это само по себе — редкость. Во всех других регионах этого федерального округа наблюдалось падение. В Брянской области падение составило 14,22%, в Курской области — 10,42%, в Смоленской — 5,13%. Очевидно, что падение неоднородно. Практически в каждом регионе имеются собственные причины сильного падения или, наоборот, пусть мизерного, но *роста числа занятых на малых предприятиях*.

В 2020 г. число занятых на малых предприятиях Центрального федерального округа падало. Только в Брянской области падение за год составило целых 4,79%. Обращает на себя внимание то, что в середине 2020 г. в большинстве приграничных регионов Центрального федерального округа дела с занятостью на малых предприятиях были хуже, чем в конце года. Можно предположить, что государственная антикризисная поддержка малых предприятий имела выраженно положительный эффект, проявившийся именно в конце года.

Во входящей в Северо-Западный федеральный округ Ленинградской области с 2017 по 2020 г. средняя численность работников субъектов малого предпринимательства — юридических лиц даже возросла на 1,46%. Был превзойден феномен Белгородской области. Но рост в Ленинградской области в этом округе сочетался с падением занятости в малом предпринимательстве на 13,12% в Псковской области. Аналогична динамика занятости в 2020 г.: прирост на 4,12% в Ленинградской области и падение на 3,63% в Псковской области.

Т а б л и ц а

**Динамика средней численности работников субъектов малого
(в т. ч. микро) предпринимательства – юридических лиц
(с 2017 г. по 2020 г.) приграничных территорий (чел.)***

Территории	2017	2019	Первое полугодие 2020	2020
1	2	3	4	5
<i>Российская Федерация</i>	11 770 184	11 197 555	11 165 477	11 121 716
% к 2017 г.	100	95,13	94,86	94,49
% к 2019 г.		100	99,71	99,32
<i>Центральный ФО</i>	3 937 461	3 790 848	3 777 919	3 814 748
% к 2017 г.	100	96,28	95,95	96,88
% к 2019 г.		100	99,66	100,63
Белгородская область	97 969	98 350	98 819	97 985
% к 2017 г.	100	100,38	100,86	100,01
% к 2019 г.		100	100,47	99,62
Брянская область	78 237	70 485	69 924	67 111
% к 2017 г.	100	90,09	89,37	85,78
% к 2019 г.		100	99,2	95,21
Курская область	62 204	56 404	56 069	55 723
% к 2017 г.	100	90,68	90,14	89,58
% к 2019 г.		100	99,41	98,79
Смоленская область	76 424	73 202	72 859	72 500
% к 2017 г.	100	95,78	95,34	94,87
% к 2019 г.		100	99,53	99,04
<i>Северо-Западный ФО</i>	1 555 287	1 446 952	1 467 654	1 457 381
% к 2017 г.	100	93,03	94,36	93,70
% к 2019 г.		100	101,43	100,7
Ленинградская область	103 610	100 968	103 030	105 124
% к 2017 г.	100	99,45	99,44	101,46
% к 2019 г.		100	102,04	104,12
Псковская область	50 660	45 672	45 383	44 014
% к 2017 г.	100	90,58	89,58	86,88
% к 2019 г.		100	99,37	96,37

* В Едином реестре субъектов МСП все данные приводятся на 10 число каждого месяца.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
<i>Южный ФО</i>	998 044	942 569	942 402	930 970
% к 2017 г.	100	94,44	94,42	93,28
% к 2019 г.		100	99,98	98,77
Астраханская область	50 421	45 566	45 354	43 128
% к 2017 г.	100	90,37	89,95	85,54
% к 2019 г.		100	99,53	94,65
Волгоградская область	142 271	124 252	123 600	119 723
% к 2017 г.	100	87,33	86,88	84,15
% к 2019 г.		100	99,48	96,35
Краснодарский край	363 364	346 331	346 716	347 204
% к 2017 г.	100	95,31	95,41	95,55
% к 2019 г.		100	100,11	100,25
Ростовская область	281 105	263 622	263 659	259 143
% к 2017 г.	100	93,78	93,79	92,19
% к 2019 г.		100	100,01	98,3
<i>Приволжский ФО</i>	2 250 351	2 127 109	2 119 834	2 090 610
% к 2017 г.	100	94,52	94,2	92,9
% к 2019 г.		100	99,66	98,28
Оренбургская область	114 661	101 163	100 530	97 825
% к 2017 г.	100	88,23	87,68	85,32
% к 2019 г.		100	99,37	96,7
Самарская область	310 963	297 287	295 302	292 919
% к 2017 г.	100	95,6	94,96	94,2
% к 2019 г.		100	99,33	101,49
Саратовская область	160 388	147 711	147 588	142 829
% к 2017 г.	100	92,2	92,02	89,05
% к 2019 г.		100	99,92	96,69
<i>Уральский ФО</i>	989 226	934 317	930 282	918 997
% к 2017 г.	100	94,45	94,94	92,91
% к 2019 г.		100	99,57	98,36
Курганская область	44 213	39 296	37 489	37 436
% к 2017 г.	100	88,88	84,69	84,67
% к 2019 г.		100	95,4	95,27

О к о н ч а н и е т а б л .

1	2	3	4	5
Тюменская область	139 581	134 063	133 433	133 335
% к 2017 г.	100	96,04	95,6	95,53
% к 2019 г.		100	99,53	99,47
Челябинская область	273 699	253 451	248 997	248 822
% к 2017 г.	100	92,6	90,97	90,91
% к 2019 г.		100	98,24	98,17
Сибирский ФО	1 344 987	1 188 721	1 181 094	1 164 572
% к 2017 г.	100	88,38	87,81	86,68
% к 2019 г.		100	99,36	97,97
Алтайский край	153 529	143 511	140 036	139 917
% к 2017 г.	100	93,47	91,21	91,13
% к 2019 г.		100	97,57	97,49
Новосибирская область	317 728	308 505	307 360	308 651
% к 2017 г.	100	97,10	96,73	97,14
% к 2019 г.		100	99,63	100,04
Омская область	133 940	121 004	118 432	118 368
% к 2017 г.	100	90,34	88,42	88,37
% к 2019 г.		100	97,87	97,82
Республика Алтай	13 252	11 924	11 517	11 512
% к 2017 г.	100	89,99	86,9	86,87
% к 2019 г.		100	96,58	103,58
Республика Тыва	4 143	4 096	4 217	4 218
% к 2017 г.	100	98,77	101,77	101,88
% к 2019 г.		100	102,95	102,98

Источник: составлено автором по [11].

Во входящей в Южный федеральный округ Астраханской области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников малых предприятий составило 14,46%, в Волгоградской области – 15,85%, в Краснодарском крае – 4,45%, в Ростовской области – 7,81%. В 2020 г. в Астраханской области наблюдалось падение на 5,35%, в Волгоградской области – 3,65%, в Ростовской области – 1,7%, а Краснодарский край в том году показал небольшой прирост на 0,25%.

Во входящей в Приволжский федеральный округ Оренбургской области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников малых предприятий составило 14,68%, в Саратовской области – 10,95%.

В 2020 г. в Оренбургской области падение составило 3,3%, в Саратовской области — 3,31%, при этом в Самарской области в 2020 г. наблюдался прирост в 1,49%.

Во входящей в Уральский федеральный округ приграничной Курганской области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников малых предприятий составило 15,33%, в Тюменской области — 4,47%, в Челябинской области — 9,09%. В 2020 г. в Курганской области падение составило 4,73%, в Тюменской области — 0,53%, в Челябинской области — 1,83%. И в этой группе регионов наглядно видно замедление падения занятости на малых предприятиях в первый год коронавирусного кризиса.

Во входящем в Сибирский федеральный округ Алтайском крае с 2017 г. по 2020 г. падение средней численности работников малых предприятий составило 8,87%, в Новосибирской области — 2,86%, в Омской области — 11,63, в Республике Алтай — 13,13%. Единственным исключением в этом федеральном округе выступила только Республика Тыва. В ней прирост составил 1,88%. Заметим, правда, что число малых предприятий в этой Республике составляет чуть более 4 тыс., что крайне мало. В 2020 г. в Алтайском крае падение составило — 2,51%, в Омской области — 2,18%. В других приграничных территориях Сибирского федерального округа наблюдался прирост: в Новосибирской области — 0,04%, в Республике Алтай — 3,58%, в Республике Тыве — 2,98%⁵.

В середине 2020 г. в большинстве приграничных регионов России дела с занятостью на малых предприятиях были хуже, чем в конце года.

Динамика занятости на средних предприятиях в геостратегических неприоритетных приграничных территориях

Средняя численность работников субъектов среднего предпринимательства — юридических лиц с начала 2017 г. по 10 января 2021 г., как и малых предприятий — юридических лиц, в целом по России *имела выраженную тенденцию к снижению*.

Снижение составило 7,38%, что больше, чем у малых предприятий. Абсолютным лидером падения стал Сибирский федеральный округ — 20,24%. В Центральном федеральном округе падение средней численности работников субъектов средних предприятий — юридических лиц составило 3,6%, в Северо-Западном федеральном округе — 4,44%, в Южном Федеральном округе — 8,42%, в Приволжском федеральном округе — 9,45%, в Уральском федеральном округе — 11,98%.

С 2017 по 2020 г. число работников на средних предприятиях Центрального федерального округа, еще раз отметим, падало. В Брянской области падение составило 2,94%, в Курской области — 6,5%. Но при этом в Белгородской области среднесписочное число работников возросло за этот период на 4,03%, в Смоленской области на 1,34%. Рост или замедление темпов падения за длительный период произошли, преимущественно, в 2020 г.

⁵ Рассчитано по [11].

В 2020 г. во всем Центральном федеральном округе прирост занятых на средних предприятиях — юридических лицах составил 7,99%, в Белгородской области — 16,46%, в Брянской области — 4,4%, в Смоленской области — 2,57%. Снижение числа занятых наблюдалось только в Курской области. Оно составило 4,69%, но, как это будет показано ниже, скорее редкое исключение для 2020 г. Тогда со всей очевидностью после длительного падения был замечен рывок в развитии среднего бизнеса.

Во входящей в Северо-Западный федеральный округ Ленинградской области с 2017 по 2020 г. средняя численность работников средних предприятий — юридических лиц возросла на 6,92%, в Псковской области — на 3,65%. И это на фоне ранее отмеченного падения занятости на средних предприятиях Северо-Западного федерального округа. Рост 2020 г. можно определить как фонтанирующий. В Ленинградской области он достиг 20,43%, а в Псковской области — 21,41%. В целом же в Северо-Западном федеральном округе прирост занятых на средних предприятиях составил 14,18% (т.е. средние предприятия этих двух приграничных территорий тогда, можно сказать, рванули вперед по отношению к прочим регионам, входящим этот федеральный округ). Хотя, конечно, апелляция ко всего лишь двум регионам не может быть основанием для серьезных выводов.

Во входящей в Южный федеральный округ Астраханской области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников средних предприятий составило 33,2%, в Волгоградской области — 17,41%, в Краснодарском крае — 12,27%, в Ростовской области — 1,43%. В 2020 г. во всем Южном федеральном округе прирост занятых на средних предприятиях — юридических лицах составил 7,1%. Краснодарский край и Ростовская область показали прирост в 5,46% и 16,79% соответственно. Но в Астраханской области падение в 2020 г. составило 11,79%, в Волгоградской области — 15,03%.

Во входящей в Приволжский федеральный округ Оренбургской области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников малых предприятий составило 22,2%, в Самарской области — 8,1%, в Саратовской — 11,73%. В 2020 г. в Приволжском федеральном округе прирост занятости на средних предприятиях составил 2,95%. В Саратовской области наблюдался прирост в 6,4%. Но в Оренбургской области падение составило 3,3%, а в Самарской — 5,15%.

Во входящих в Уральский федеральный округ приграничной области с 2017 по 2020 г. падение средней численности работников средних предприятий составило: в Тюменской области — 10,79%, в Челябинской — 9,28%. В 2020 г. в Уральском федеральном округе наблюдался прирост среднесписочной численности работников на 3,14%. Но в приграничной Курганской области падение составило 4,73%, в Тюменской области — 0,53%, в Челябинской — 1,83%. В этой группе неприоритетных приграничных регионов видно, преимущественно, лишь замедление падения занятости на средних предприятиях в первый год коронавирусного кризиса.

Во входящей в Сибирский федеральный округ в Новосибирской области зафиксировано падение средней численности работников средних предприятий на 14,22%, в Омской области — 23,21%, в Республике Алтай — 22,63%, в Республике Тыве (лидер падения) — 30,67%. Единственным исключением среди приграничных территорий в этом федеральном округе выступил только Алтайский край с приростом занятых на средних предприятиях в 1,29%.

При этом в 2020 г. в Сибирском федеральном округе общий прирост занятых на средних предприятиях составил 3,5%. В Алтайском крае прирост составил 2,22%, в Новосибирской области — 6,88%, в Омской области — 13,57%, в Республике Алтай — 3,66%. Единственным исключением из приграничных территорий этого федерального округа стала Республика Тыва. В ней было падение, причем на большую величину — 15,91%⁶.

В приложении к средним предприятиям заметно, что в середине 2020 г. в большинстве приграничных регионов России ситуация с занятостью была хуже, чем в конце года.

Динамика занятости в сфере индивидуального предпринимательства в геостратегических неприоритетных приграничных территориях

Средняя численность работников в сфере индивидуального предпринимательства с 2017 г. по 10 января 2021 г., в отличие от малых и средних предприятий — юридических лиц, в целом по России *имела тенденцию к повышению*.

Повышение составило 7,38%. Абсолютным лидером прироста стал Центральный федеральный округ с 14,05%. Прирост численности работников в Северо-Западном федеральном округе составил 10,0%. Прирост средней численности работников индивидуальных предприятий в Южном федеральном округе составил 8,46%, в Приволжском федеральном округе — 2,51%, в Уральском федеральном округе — 7,81%. Падение же наблюдалось только в Сибирском федеральном округе, составив 9,06%, что на фоне роста в других федеральных округах выглядит очень существенным.

С 2017 по 2020 г. число средней численности работников у индивидуальных предпринимателей входящей в Центральный федеральный округ Брянской области выросло на 14,95%. Но в других приграничных регионах, входящих в этот федеральный округ, наблюдался спад. В Белгородской области среднесписочное число работников в этот период упало на 0,49%, в Курской области — на 2,79%, в Смоленской — на 2,8%. То есть в отличие от большинства других регионов Центрального федерального округа в большинстве входящих в этот округ приграничных субъектах Федерации происходило сужение сферы индивидуального предпринимательства. Некоторое улучшение случилось, как это не странно, только в кризисном 2020 г.

⁶ Рассчитано по [11].

В 2020 г. во всем Центральном федеральном округе прирост занятых на средних предприятиях — юридических лицах составил 7,31%. В Белгородской области прирост составил 3,61%, в Брянской области — 5,17%, в Курской — 0,49%, в Смоленской — 0,2%. Чрезвычайные меры государственной поддержки индивидуального предпринимательства явно имели позитивные последствия.

Во входящей в Северо-Западный федеральный округ Ленинградской области с 2017 по 2020 г. средняя численность работников у индивидуальных предпринимателей возросла на 19,43%, в Псковской области — на 3,1%. В 2020 г. во всем Северо-Западном федеральном округе прирост занятых в индивидуальном предпринимательстве составил 6,96%, в Ленинградской области прирост — 9,33%, а в Псковской — 5,59%. Рост занятых в приграничных отраслях не сильно отличался от роста в других регионах этого федерального округа.

Во входящей в Южный федеральный округ приграничной Волгоградской области с 2017 по 2020 г. прирост средней численности работников у индивидуальных предпринимателей составил 5,03%, в Краснодарском крае — 10,52%, в Ростовской области — 5,13%. Падение тогда наблюдалось только в Астраханской области, оно составило 10,68%, что явно существенно по сравнению с другими регионами этого округа. В 2020 г. во всем Южном федеральном округе прирост занятых у индивидуальных предпринимателей составил 4,74%, в Астраханской области — 1,29%, в Волгоградской — 5,03%, в Краснодарском крае — 6,21%, в Ростовской области — 2,22%.

Во входящей в Приволжский федеральный округ Оренбургской области с 2017 по 2020 г. прирост средней численности работников у индивидуальных предпринимателей составил 0,36%, в Самарской области — 21,96%. Саратовская область продемонстрировала падение на 4,27%. В 2020 г. в Приволжском федеральном округе прирост числа работников у индивидуальных предпринимателей составил 2,36%. В Оренбургской области прирост составил 4,11%, в Самарской — 11,37%.

Во входящих в Уральский федеральный округ приграничных областях с 2017 по 2020 г. прирост средней численности работников у индивидуальных предпринимателей составил: в Тюменской области — 23,03%, в Челябинской области — 4,45%, но в Курганской области за этот период падение составило 9,0%. В 2020 г. в Уральском федеральном округе наблюдался прирост среднесписочной численности работников у индивидуальных предпринимателей на 4,06%. В Тюменской области — 10,62%, в Челябинской области — 1,83%. В Курганской области - падение составило 2,82%.

Во входящей в Сибирский федеральный округ Новосибирской области с 2017 г. по 2020 г. зафиксирован прирост средней численности работников у индивидуальных предпринимателей на 29,0%, в Омской области — 10,02%; в Республике Тыве — 10,77%. Падение занятых в этот период наблюдалось в Алтайском крае — 3,47% и в Республике Алтай — 4,07%.

В 2020 г. в Сибирском федеральном округе прирост занятых работников у индивидуальных предпринимателей составил 3,33%, в Новосибирской области — 11,4%, в Омской области — 5,66%, в Республике Алтай — 9,44%. В Алтайском крае снижение средней численности работников у индивидуальных предпринимателей в 2020 г. составило 2,41%, в Республике Тыва — 3,58%⁷.

Как и в случае с малыми и средними предприятиями, ситуация с занятыми у индивидуальных предпринимателей в середине 2020 г. в основном была хуже, чем к концу этого года.

Выводы

Подводя итоги анализа динамики средней численности работников МСП, приходится констатировать, что специфические условия неприоритетных приграничных регионов не приносят заметной специфики в динамику занятости на малых и средних предприятиях, у индивидуальных предпринимателей. Малоразличимость специфики МСП приграничных регионов подтверждает низкие оценки степени открытости российской экономики, депрессивность значительной части таких регионов.

Конечно, малое и среднее предпринимательство в приграничных регионах в той или иной степени вовлечено в приграничную торговлю, в выстраивание транспортной и логистической инфраструктуры трансграничного экономического сотрудничества. Это — естественно. Но масштабы такого сотрудничества у российских регионов не велики.

Как в целом по России, так и в неприоритетных геостратегических приграничных регионах в последние годы заметное продолжение получили тенденции на сужение сферы МСП. Причем кризисный 2020 г. несколько замедлил скорость сужения сферы МСП. Это замедление произошло благодаря чрезвычайным мерам государственной поддержки МСП в условиях кризиса, вызванного коронавирусной пандемией [10, с. 54–61]. Велика вероятность, что в дальнейшем по мере отмены чрезвычайных мер поддержки продолжится сужение сферы МСП.

Сами неприоритетные приграничные территории нашей страны на государственном уровне более всего воспринимаются как «барьерные», а не как потенциальные точки роста. Потенциальные преимущества таких территорий не принимаются во внимание в должной мере. На развитие приграничных территорий федеральный центр выделяет недостаточно средств. В программах этих территорий игнорируются особые возможности их социально-экономического развития, улучшения качества жизни и повышения уровня жизни населения. Сказанное относится и к сфере малого и среднего бизнеса таких территорий, к возможностям участия субъектов этой сферы в трансграничном сотрудничестве.

⁷ Рассчитано по [11].

В условиях западных санкций в отношении нашей страны, подхваченных даже Китаем, «барьерная» роль приграничных территорий только усилилась. И следует ожидать ее дальнейшего усиления.

Как следствие, МСП приграничных регионов преимущественно развивается или сужается так же, как малое и среднее предпринимательство в большинстве прочих российских субъектах Федерации: трудно, неустойчиво, разноразлично, сворачиваясь. На фоне общего неблагоприятного экономического, включая предпринимательский, климата в стране специфика функционирования МСП в приграничных территориях малоразличима. Трансграничному сотрудничеству и месту в нем МСП российское государство должно уделять намного больше внимания, нежели уделяется в настоящее время.

Список литературы

1. Анганова О.Б., Дондоков З.Б.-Д. Сущность и особенности приграничных территорий Российской Федерации // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 164–170.
2. Виленский А., Лылова О. Трансформация целей и задач государственных программ и проектов поддержки и развития малого и среднего предпринимательства России // ЭТАП. 2018. № 5. С. 43–57.
3. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
4. Потапова А.И., Сабына Е.Н. Открытая и закрытая экономика: вопросы ограничения доступа в российскую экономику // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. 2018. № 10. С. 8–15.
5. Krugman P. R., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy. Prentice Hall, 2008. 712 p.
6. Ярошевич В.И. Малая открытая экономика в процессе глобализации // Белорусский экономический журнал. 2016. № 4 (77). С. 37–49.
7. Кудрявцева С.С. Цифровизация экономики в открытых национальных инновационных системах // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2018. № 4 (20). С. 76–81.
8. Шутаева Е.А. К вопросу о трансграничном сотрудничестве: зарубежный опыт, российская практика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-1. С. 222–226.
9. Виленский А.В. Номинальное и реальное региональное развитие российского малого предпринимательства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 26–35.
10. Иванов А.В. Эффективность государственных мер поддержки малого бизнеса в условиях пандемии коронавируса // Региональная экономика: опыт и проблемы: материалы XIII Международной научно-практической конференции. Владимир, 2020. С. 54–61.
11. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>

References

1. Angapova O.B., Dondokov Z.B.-D. Sushnost i osobennosti prigranichnyh territorij Rossiiskoi Federacii [Essence and Features of the Border Areas of the Russian Federation], *Vestnik VSGUTU* [Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management], 2013, No. 6 (45), pp. 164–170. (In Russ.)
2. Vilenskii A., Lylova O. Transformaciya celei i zadach gosudarstvennyh programm i proektov podderzhki i razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva Rossii [Transformation of the Goals and Objectives of State Programs and Projects to Support and Develop Small and Medium-Sized Businesses in Russia], *ETAP* [Economic Theory, Analysis, Practice], 2018, No. 5, pp. 43–57. (In Russ.)
3. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
4. Potapova A.I., Sabyna E.N. Otkrytaya i zakrytaya ekonomika: Voprosy ogranicheniya dostupa v rossiiskuyu ekonomiku [Open and Closed Economy: Issues of Restricting Access to the Russian Economy], *Aktualnye voprosy funkcionirovaniya ekonomiki Altajskogo kraja* [Topical Issues of the Functioning of the Economy of the Altai Territory], 2018, No. 10, pp. 8–15. (In Russ.)
5. Krugman P. R., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy. Prentice Hall, 2008. 712 p.
6. Yaroshevich V.I. Malaya otkrytaya ekonomika v processe globalizacii [Small Open Economy in the Process of Globalization], *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], 2016, No 4 (77), pp. 37–49. (In Russ.)
7. Kudryavceva S.S. Cifrovizaciya ekonomiki v otkrytyh nacionalnyh innovacionnyh sistemah [Digitalization of the Economy in Open National Innovation Systems], *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Actual Problems of Economics and Management], 2018, No 4 (20), pp. 76–81. (In Russ.)
8. Shutaeva E.A. K voprosu o transgranichnom sotrudnichestve: zarubezhnyj opyt, rossiiskaya praktika [On the Issue of Cross-Border Cooperation: Foreign Experience, Russian Practice], *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2016, No 7-1, pp. 222–226. (In Russ.)
9. Vilenskii A.V. Nominalnoe i realnoe regionalnoe razvitie rossijskogo malogo predprinimatel'stva [Nominal and Real Regional Development of Russian Small Business], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2019, No 4, pp. 26–35. (In Russ.)
10. Ivanov A.V. Effektivnost gosudarstvennyh mer podderzhki malogo biznesa v usloviyah pandemii koronavirusa [The Effectiveness of Government Measures to Support Small Businesses in the Context of the Coronavirus Pandemic] *Regionalnaya ekonomika: opyt i problem: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Regional Economy: Experience and Problems: Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference]. Vladimir, 2020, pp. 54–61. (In Russ.)
11. Edinyi reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified Register of Small and Medium-Sized Businesses]. (In Russ.). Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>

GEOSTRATEGIC BORDER TERRITORIES OF RUSSIA: SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Potentially, the participation of small and medium-sized businesses in cross-border cooperation in the border regions of the country should intensify its development, bring specificity to it. However, the analysis showed that there is no noticeable specificity in the dynamics of employment in the field of small and medium-sized businesses in non-priority geostrategic border areas in comparison with other regions of Russia, incl. the crisis year 2020. As in the country as a whole, the development of small and medium-sized businesses in these border areas is difficult, unstable, multidirectional, moreover, in line with the long-term tendency towards its curtailment. Against the background of a generally unfavorable economic, including entrepreneurial, climate, the specifics of the functioning of small and medium-sized businesses in the border areas are hardly distinguishable. This lack of distinction confirms the low estimates of the degree of openness of the Russian economy, the fact that a significant part of the border regions are depressed. With a low level of openness, the potential opportunities from cross-border and other economic cooperation with foreign countries in such Russian territories are poorly realized and play a secondary role. Non-priority border regions to a greater extent perform "barrier functions" due to geostrategic reasons, rather than the functions of economic growth points.

Keywords: border areas, small, medium, individual entrepreneurship, employment dynamics, Russia, spatial development, crisis.

JEL: H11, R12, R50

Дата поступления — 07.02.2021 г.

ВИЛЕНСКИЙ Александр Викторович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором региональной экономики и местного самоуправления,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института экономики РАН / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: avilenski@mail.ru

VILENSKIY Alexandr V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Subdepartment of Regional Economy and Local Government;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: avilenski@mail.ru

Для цитирования:

Виленский А.В. Геостратегические приграничные территории России: малое и среднее предпринимательство // Федерализм. 2021. Т. 26. № 2 (102). С. 169–186. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-169-186>